4.1. ГОРОД, СЕЛО И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

ерестройка расселения в XX в. неотделима от мощных сдвигов, менявших город и деревню, общество и пространство страны. Обозревая их, придется расширять рамки анализа до масштабов РФ в целом, европейских частей Российской империи, СССР для сравнения со старыми сводными данными и схемами и ради лучшего понимания роли этих частей в прошлом и настоящем. Тут неизбежно сталкиваются два факта истории и географии России, страны форсированного догоняющего развития и страны расширяемой, колонизуемой. Как влияли эти рывки на наш «океан суши» и как он влиял на них — ключевой вопрос главы.

Волны модернизации, пространство и расселение

от уже 300 лет Россия периодически мобилизуется, чтобы догнать Запад. Военно-технические модернизации ей удавались, но еще Е. Р. Дашкова сравнивала русское общество на рубеже XIX в. с западноевропейским XIV–XV вв. (см. Миронов, 1999, т. 2, с. 301–302). В средние века лаг достигал 400–600 лет, разделявших фазы подъема и расцвета серважа-крепостничества и трехпольного общинного земледелия. Зато у нас они проходили быстрее, не столько отмирали, сколько отменялись аграрными реформами. В масштабе индустриального времени разрыв изначально был на порядок меньшим, полувековым, повышая шансы догонявших и даже рождая иллюзию опережения (Трейвиш, 1999).

То, что гонка за лидерами обернулась игрой с ними в «кошки-мышки», явно связано с размерами России, с неравномерностью и асинхронностью регионального развития. Одни из обширных окраин, не уступая «метрополии» (как в Австро-Венгрии), сами ее торопили. До других, более многолюдных, и до русской сельской глубинки волны модернизации могли и не дойти. Отрыв элиты от масс, города от деревни, разноукладность и разновременность их бытия, разные скорости развития подготовили социальные взрывы XX века. Ленин хорошо знал о царящих на просторах слабого звена империализма «полудикости и самой настоящей дикости». Он же в самом начале века (до столыпинских переселений) писал о российской склонности подменять развитие «вглубь» экспансией и ростом «вширь» на новых землях.

¹ Этот образ эмигрантов-евразийцев, особенно И. А. Ильина, был близок В. П., предтече или даже одному из прямых основоположников данной геополитической школы.

Революции, обозначившие у нас неформальный старт XX в. (распад СССР — его финиш), начинались как городские и вдохновлялись западниками, сторонниками модернизации. Но, разливаясь по стране, они переливались в крестьянский бунт архаичных укладов. Теперь советскую модернизацию называют консервативной и фундаменталистской (например, Вишневский, 1999). Наша задача — проследить ее шаги географически, но надо уточнить, о каких ступенях развития идет речь, т. е. кратко коснуться самих его схем.

В СССР официально признавались марксовы формации: первобытно-общинная — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм. На Западе способы производства часто сводят к трем макротипам: командно-принудительным (от рабства до планового социализма), свободным рыночным и смешанным. Бытует также схема смены отраслей, типов труда: традиционные доиндустриальные экономика и общество — индустриальные — постиндустриальные. Их базой служат, соответственно, первичный (аграрный), вторичный (индустриальный), третичный (сервисный), позже четвертичный (информационный) секторы². Схемы дополняют друг друга. Сервисный, индустриальный, аграрный капитализм различны, как и аграрные уклады: общинно-крестьянские, помещичьи, фермерские, колхозные.

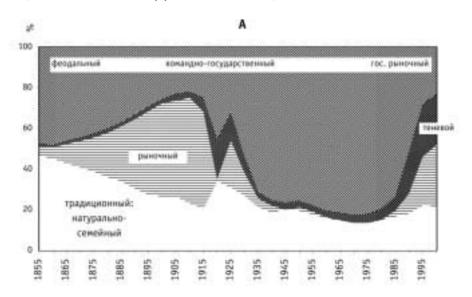
Киевская Русь в сущности была страной не аграрной, а промыслово-торговой. Русь Московская стала земледельческой, но ее экспорт был более первичным. При Иване Грозном вывозили те же «первобытные продукты»: меха, воск, рыбу. Только прорубившись в Европу в XVIII в., золотом веке дворян-крепостников, Россия (как ранее Пруссия, Польша, Венгрия) стала ее хлебным амбаром. Экспорт зерна за 1700—1914 гг. вырос в 2316 раз (Миронов, 1985, с. 114). За границу шло до 55% товарного хлеба, хотя на рынок вообще-то попадало 26% его сборов. Крестьянское хозяйство оставалось натуральным, по старинке замкнутым.

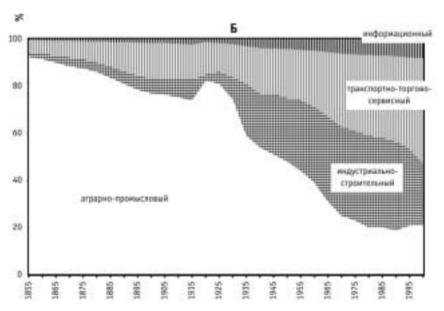
Перемены в бывшей империи за 140 лет показывают графики (рис. 4.1.1). На верхнем с условной шкалой (он есть в школьном учебнике: Ром, Дронов, 1997, с. 80) видны резкие колебания, борьба командной и рыночной систем. После 1861 г. рынок вклинился между натуральным крестьянским и казенно-феодальным укладами (такая волна была и в XVII в., когда формировался российский рынок и торговый капитал, но ее сбили крепостные латифундии и мануфактуры). Ответом на военный коммунизм было расширение натуральной и теневой экономики. Затем следуют краткий возврат рынка в годы нэпа и его долгий провал вплоть до горбачевской перестройки.

Нижний график отражает более последовательные сдвиги в макроструктуре занятий. Агросектор сокращался постоянно, кроме лет гражданской смуты, когда замерли заводы, а рабочие разошлись по деревням (в микромасштабе это имело место и в начале

² Еще Д. И. Менделеев (1907), старший современник В. П., работая с переписью 1897 г., разделил работников на добывателей, берущих сырой материал в природе, промышленников, перерабатывающих сырье, и лиц, дающих обществу что-то совершенно иное, чем хлеб насущный. Пионерами индустриализации и терциаризации, как великих ломок ХХ в., все же были страны Запада. Экономисты А. Фишер и К. Кларк заявили около 1940 г., что первичный сектор всюду уступает вторичному, а в самых развитых странах — третичному.

Рис. 4.1.1. Изменение пропорций основных общественных укладов (A) и секторов занятий населения (Б) в Российской империи — СССР — СНГ

1990-х гг.). Индустриализация с конца 20-х гг. повела небывалое наступление на первичный сектор. Его доля упала вдвое к концу 50-х гг. и еще вдвое к концу 70-х. Вторичный сектор в 30-х гг. стал вторым, в 60-х — первым. В России, Эстонии и Латвии это случилось даже раньше, в 1950-х гг. Страна стала промышленной. А вскоре вперед вышел сервисный третичный сектор, хотя терциаризация была «неуверенной» и идеологически не очень желанной.

Без индустрии и урбанизация считалась ложной, не пролетарской. Но на юге самого СССР вторичный сектор так и не стал лидером: тамошние республики шли к сервисной экономике в обход крайностей индустриализации — не европейским путем, а американо-азиатским (подробнее см. Территориальная.., 1995, с. 24–31). Да и в России урбанизацию, помимо индустрии, продвигали транспорт, торговля, услуги. На рис. 4.1.2 это хорошо видно по сближению доли занятых в третичном секторе и городов-стотысячников в населении. В 1970–90 гг. они почти совпадали, пока большие города не попали в некие ножницы между деиндустриализацией и бумом третичной сферы.

График также показал, что отставание доли номинальных горожан от доли условно городских (не аграрных) секторов в советское время было не менее сильным, чем до него, когда на этом основании говорили о заниженной формальной урбанизации, а ее «истинный» уровень оценивали в 25–30%. Но тогда и в 2000 г. он составит не 73%, а 85–90%. Вместе с тем росла прослойка полугорожан, жителей промежуточных типов поселений, что часто считают признаком псевдоурбанизации. Фактически их больше: к населению пгт нужно бы добавить изрядную долю мелко- и среднегородского, зависящего от подсобного (а то и полутоварного) личного хозяйства. Тогда доля россиян, тесно связанных с землей, может достичь трети, а в основном занятых на ней — вырасти вдвое против официальных 12–14%.

Прав А. Г. Вишневский (1998, с. 24): «Сколько ни пытайся добавить к серпу молот, превратить общество из аграрного в индустриальное, сколько ни строй городов, без кардинальной смены механизмов социального управления оно будет оставаться сельским и застойным». Только не надо путать социальные механизмы с управлением и управленцами, винить их во всех бедах или возлагать на них пустые надежды. Каждый народ имеет ту власть, какой заслуживает, а история, в том числе советская, подводит к выводу, что дело не столько в строе, сколько в стране с ее противоречиями, разломами, многоукладностью.

Хотя немалая доля этой истории сводится к борьбе правящей догмы с реальной жизнью, жизнь все равно сильнее. Посмотрим, как все это сказалось на географических пропорциях страны, на главных сдвигах века.

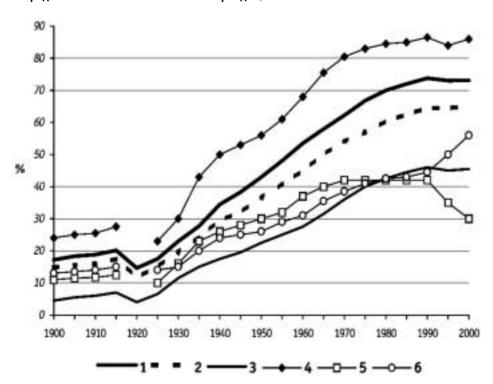

Рис. 4.1.2. Урбанизация России (РСФСР—РФ) и динамика доли «городских занятий» по пятилетним периодам, в %

Вековые географические сдвиги в экономике и населении России

ывает, практика отстает от теории, бывает и наоборот. Тезис Ленина о размещении производства с точки зрения близости сырья и экономии труда при обработке поняли в 20-х гг. как приближение к сырью и понимали так полвека, когда уже не было транспортной разрухи и союзные ведомства создавали длинные цепочки производств, целые межрайонные «конвейеры». Индустриализацию связали с идеей подъема новых районов, но базы-дублеры строили не ради них самих. Сталин говорил, что мы отстали от передовых стран на 50–100 лет и должны пробежать это расстояние в де-

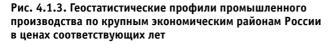
сять лет... Либо нас сомнут (Соч., т. 11, с. 248). Не так быстро, а лет за 25–30 индустрия стали, нефти, «фордовских» машин была создана. Такую же имел Запад, и значение советского рывка велико. Правда, армии безработных Гитлера и Рузвельта в годы депрессии строили автомагистрали, а зэки сталинских пятилеток — даже не столько железные дороги, сколько архаичные каналы. Однако нас больше интересует не это и не социальная цена индустриализации, а ее география.

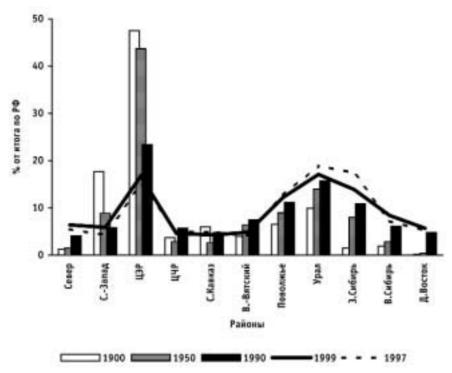
Ранний проект первой пятилетки исходил из скромных накоплений и делал ставку на старопромышленные районы (СПР): Центр, Донбасс, Урал. В итоге же им отдали менее 50% средств, добытых за счет села и уровня жизни граждан страны. Из 1,5 тыс. новостроек с карт середины 30-х гг. на СПР пришлось 48%, еще 15% — на десяток старых узлов в европейской части (Ленинградский, поволжские и др.), 17% — на новые в той же части и 21% — на восточные; 80% новых поселений тоже строились в обжитых зонах (Тяжелая индустрия.., 1936). В 1937 г., после двух пятилеток, СПР давали 68% продукции, как в 1925: новые районы запаздывали. Зато их потенциал очень помог и еще вырос во время войны, хотя и тут выделялись ближние зоны, особенно Урало-Волжская, где осели 58% эвакуированных заводов (Планирование.., 1985, с. 194).

Затем пошли в рост западные окраины СССР и глубинка, еще не затронутая большой индустрией. Там размещали филиалы крупных заводов, сохранявших в старых центрах свои лучшие кадры. Несмотря на то, что филиальные зоны, насыщались новыми (оборонным) отраслями, они получились «безголовыми» и не очень гибкими. Вклад Сибири в общее производство держался на уровне 19–21% вопреки всем вливаниям, так как цены на сырье и топливо повышали редко, а на готовые изделия они росли с каждым обновлением изделия. Зато в 90-х гг. доля азиатской России разом поднялась до 30%; лишь с 1998 г. промышленный профиль страны как бы попятился назад, к западу (рис. 4.1.3).

В конце концов западные СПР уступили состоящему из старых и новых ареалов срединному «хребту»: Таймыр — Ямал — Урал — Волга — Дон и Кубань с морскими портами. В 1990-х гг. он давал 45–50% продукции и экспорта РФ, ставших опять более первичными, топливно-сырьевыми. С другой стороны, примерно такая же доля кадров индустрии и несколько меньшая — производства приходится на массу центров и узлов, возникших в европейской России в ходе промышленной диффузии (табл. 4.1.1) и еще не сказавших своего слова. История подтверждает: территориальная структура хозяйства и расселения бывает весьма инерционной, если не консервативной, даже при мощном плановом давлении вкупе с идеологическим, подкрепленным тоже мощными и конструктивными мифами.

Одним из первых советских авторов, пытавшихся демифологизировать региональные процессы прошлого, был А. А. Минц (1974). В годы первых пятилеток, — писал он, — освоение необжитых и отсталых районов как некоей самоцели, механически понятая идея равномерного размещения, впечатляющие, но не столь весомые факты создания городов «на пустом месте» получали гипертрофированное изображение. Хозяйственная практика была более реалистичной и трезвой. Рост на востоке сырьевых отраслей сочетался с развитием обрабатывающих, тяготевших к западным районам.

Равнодействующая от сложения разных тенденций обозначала сдвиг на восток, но он происходил скорее внутри европейской части. Центр тяжести производительных сил сдвигался к Волге и Уралу, хотя процесс не успел завершиться в довоенные годы.

Проверим этот тезис центрографическими расчетами по формулам Д. И. Менделеева — Б. П. Вейнберга (Вейнберг, 1915)³. Они показали, что сдвиги не вывели демоэкономические центры России за пределы ее европейской части. Правда, центр тяжести населения СССР еще в 1920-х гг. пересек Волгу, в 60-х — границу с Казахстаном, а в 80-х, притягиваемый Средней Азией, шагнул за р. Урал, словно выполняя наказ Менделеева: центр населенности будет двигаться в сторону «благодатного юга и обильного землей востока» (рис. 4.1.4).

³ Исходные единицы расчета — регионы либо города, а исходные точки первых — центры тяжести их внутренних «масс», отдельно исчисленные (для обширных регионов) или определенные «на глазок» (для малых).

Таблица 4.1.1. Динамика удельного веса трех групп промышленных ареалов России по числу работников и объему продукции, в %, округленно

Γ	Районы и узлы		Число	работн	ников		Продукция в текущих ценах				
		1900	1925	1950	1975	2000*	1900	1925	1950	1975	2000*
	Старопромышлен- ные**	64	61	42	40	33	50	65	68	42	32
	Другие (новые) европейские	30	33	39	41	47	33	31	27	38	40
L	Восточные	6	6	19	19	20	17	4	5	20	28

^{*} Предварительная оценка.

Рассчитано автором по данным промышленной статистики разных лет.

Демоцентр РФ, пройдя за сто лет на восток 600 км, остался на 2400 км западнее центра российской территории (на юге Эвенкии) и на 1200 км западнее центра обжитых земель (между Омском и Новосибирском). Центр горожан отставал, находясь в 1897 г. на юго-западе Нижегородской области, но еще до войны вырвался вперед. Делая по 22 км в год, он прошел до башкирской р. Белой почти 900 км, однако с 1959 г. кружит на одном месте, южнее Уфы, отражая стагнацию шахтерских городов Урала и Сибири, а потом и других.

Чем крупнее города, тем западнее центры. Пока у России было всего два миллионера, их общий центр оставался в Тверской области. В 60-х гг. добавились Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, и центр сместился на 455 км юго-восточнее. Потом он повернул к югу, в сторону Ростова и Волгограда. Центр стотысячников сперва тоже был у Твери; к 1915 г. эту группу успели пополнить 11 городов, от Ярославля до Иркутска, а ее центр перебрался к Владимиру. В итоге он оказался на западе Башкирии с максимальным вековым пробегом в 1300 км. Что касается сельского населения, то его центр, двигаясь более плавно, с середины столетия отклонился на юг, дойдя к 1989 г. до той же р. Белой. Ни одному из центров так и не удалось «форсировать» эту реку, а теперь они пятятся назад.

Внутри Европейской России сдвиги скромнее. Центр ее населения описал некую дугу на западе Мордовии. Все причудливые блуждания центров горожан и сельских жителей мы не показали, а ограничились тремя датами, чтобы отразить их основные направления: у городского центра — восточное, причем за счет первой половины столетия, а у сельского, пересекшего во второй его половине Пензенскую область, — южное.

Сдвиги ряда экономических «масс» отражает **рис. 4.1.5.** Эти шаги, как и натуральный рост, бывали гигантскими. Центр в сто раз увеличенной добычи угля перебрался

^{**} Ленинград (Петербург) с окружением, Промышленный Центр с Нижегородской (Горьковской) областью и Средний Урал.

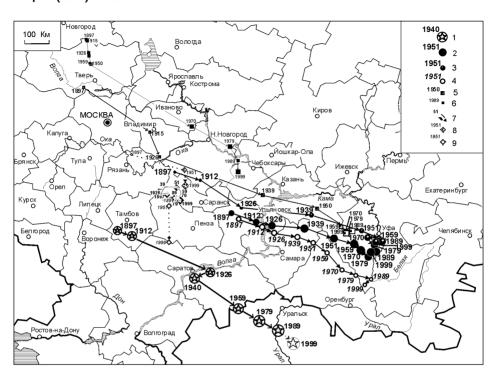

Рис. 4.1.4. Движение центров тяжести населения Российской империи (СССР) и России в XX в.

1 — Российская империя — СССР в границах на соответствующий год: все население

Россия в современных границах:

2 — все население; 3 — городское население; 4 — сельское население; 5 — население больших городов (свыше 100 тыс. жит.); 6 — население городов-миллионеров

Европейская Россия (без Калининградской обл.):

7 — все население; 8 — городское население; 9 — сельское население

с Южного Урала в Кузбасс, по пути попав в Казахстан (хотя его бассейны в расчет не брались). Центр нефтедобычи, выросшей тысячекратно, «перепрыгнул» с Кавказа в бассейн Оби. А вот центр занятых в промышленности по сути повторил трассу городского. Недалеко ушли и центры ряда отраслей. «Стальной» перебрался с Волги на Урал. Центр регистрируемого статистикой производства водки (на карте не показанный) в 1999 г. находился на западе Башкирии, в 50 км от центра населения России. Сдвиги центров посевных площадей и сбора зерновых ограничены все той же территорией между Волгой и Уралом. Недаром Урал, до войны чаще относимый к восточным районам, закрепился в составе европейской части.

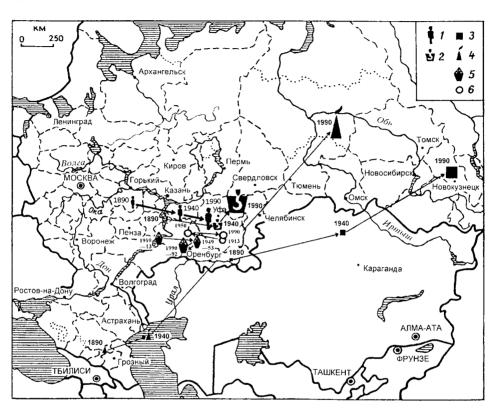

Рис. 4.1.5. Движение центров тяжести некоторых сфер экономики России в XX в.

Центры некоторых экономических «масс»:

1 — занятых в промышленности; 2 — производства стали; 3 — добычи угля; 4 — добычи нефти;

5 — урожайности зерновых; 6 — посевных площадей

Примечание: администативное деление и названия даны на 1990 г.

Все это — не основание для каких-то «оргвыводов». Центрография наглядно отражает освоенческие сдвиги, но те рано или поздно затухают. А. А. Минц (1974) считал, что ведущее место европейской части страны закономерно и говорит о действии не только и не столько унаследованной от прошлого территориальной структуры, сколько новых факторов. Разрыв по оси запад—восток между ресурсами и производством (населением) заставляет думать о транспорте, о ресурсоемкости экономики, но продолжение все тех же сдвигов несет ущерб сложным отраслям, лучшим по агропотенциалу и условиям жизни, самым развитым районам. Их притягательность для хозяйства и на-

селения растет, — писал Минц. И добавил, словно про Россию конца века, что это оправдано их дешевизной, эффективностью личного хозяйства. Во многих странах дистанция между центрами территории с ее ресурсами и населения с его деятельностью велика, но ее сокращают не путем «переброски» людских масс.

Все же сдвиг на восток, популярный весь век как тема дискуссий и реальная практика, в первом качестве не утратил актуальности. Ведь еще М. В. Ломоносов сулил приращение ее богатств Сибирью, а В. П. Семенов-Тян-Шанский (1915), как Д. И. Менделеев и многие другие, призывал ускорить развитие Срединной России, раскинувшейся между Волгой и Енисеем. Что в общем и делалось, насколько хватало людей и денег. Если бы век обошелся без их страшных потерь и растрат, то и сдвиг мог бы быть внушительней. Однако, при всем природном богатстве страны, чисто сырьевая модель большинству ее регионов не подходит. Россия — не Кувейт и даже не Канада, 70 миллионов ее активных граждан не проживут на одном сырье, для добычи и переработки которого нужно не более 30% рабочей силы (Пчелинцев, 1997).

Кроме сырьевого, у России есть иной мотив сдвига на восток — демогеополитический. Взглянем на профиль населенности Евразии, трасса которого выгнута к северу, не заходя в самые высокие широты (рис. 4.1.6). В Европе плотность убывает плавно, в среднем на 5% каждые 200 км. На Дальнем Востоке перед нашими малолюдными и теряющими население регионами стоит «стена», ставшая за XX век круче: перепад на расстоянии в 200 км там 20—30-кратный. Отсюда проекты новых великих переселений россиян, жителей стран СНГ на юг Сибири. Таковы и наметки действующей Генсхемы расселения. Но простой расчет убеждает: даже еще раз удвоив население восточных окраин, на что у СССР ушло 40 лет (1950—90 гг.), мы сократим перепад по рубежу лишь до 1:12. Китай же растет, и южной Сибири, чтобы сравняться с ним плотностью, скоро понадобится до 500 млн чел. Это вся зарубежная Европа, но кому она оставит Париж и Лондон, Рим и Киев? Во всем СНГ живут 282 млн чел. Нет, так проблему не решить, нужны другие подходы.

Населенность российских районов и ее вариации

авномерно ли заселена Россия? Ответ «нет» напрашивается, когда необжито столько территорий. Если точнее, то 55% (Дмитриев и др., 1988, с. 57), и это площадь целого Китая. Впрочем, желательны более корректные сравнения с крупными странами по близкому числу районов, дробность которых влияет на результат. Они показывают, что макрорайоны России резко разнятся по площади, но контрасты населения и его плотности не столь велики (табл. 4.1.2). Даже перекрой-

⁴ Хотя он сам сопровождался большими потерями. Все прямые и косвенные потери, накопленные Россией за чудовищно деморасточительную половину века, по оценкам, близки к 85 млн чел., а к 1995 г. превысили 121 млн (Вишневский, 1998, с. 125–126). Если бы не они, в РФ жили бы уже не 146, а 270 млн чел., как в США. И то была бы другая страна, хотя параметры ее расселения, пропорции и т. д. представить трудно. История и география не в ладах с сослагательным наклонением и не умеют толком моделировать варианты развития обществ.

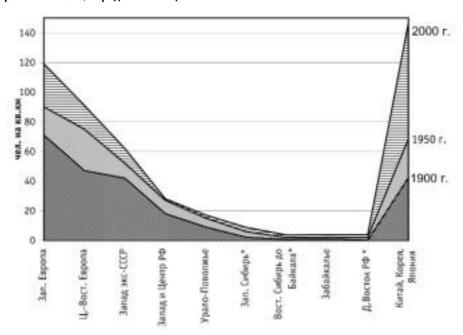

Рис. 4.1.6. Широтные профили плотности населения северной Евразии в начале, середине и конце XX в.

ка районов Сибири с выделением полярных пустынь «по-канадски» сближает РФ с США, но не с Китаем и Канадой, где перепады все равно сильнее. Значит, большие части России заселены равномернее, чем там. Ее жители не теснятся где-то в одном углу, а скорее рассеялись, расплылись по равнинному океану суши, где нет резких рубежей.

За счет каких направлений, осей получается такой результат? По широте уклон велик (см. рис. 4.1.6) и явно больше, чем в США и Канаде, имеющих демоэкономические полюса на берегах обоих океанов. А вот китайский профиль по линии Тибет — приморские равнины с 300-кратным перепадом плотности круче нашего 50-кратного (и еще меньшего, если не выходить из Главной полосы расселения). Другое дело — ось меридиональная. Тут у нас как в Китае. Скачок плотности от Внутренней Монголии к южному Гуандуну (раз в 20) почти тот же, что от Архангельска к Краснодару, хотя все цифры даже на Западе России ниже. Зато ее Север на порядок многолюднее американского. Самые пустынные округа РФ не так пусты, как Северо-Западные территории Канады, где на 100 кв. км нет и пары человек. Наше расселение сильнее сдвинуто к Северу, меньше

^{*} Без северных территорий

Таблица 4.1.2. Некоторые показатели неравномерной заселенности ряда стран по 10–12 макрорайонам в конце 1980-х гг.

Показатели		Pod	ССИЯ	Китай	США	Канада
	Число районов	11*	12**	12***	10****	11****
Их площадь:						
коэффициент вариации		13,3	8,1	8,7	4,6	9,4
отношение максимума к м	инимуму, раз	37	29	20	13	56
Их население:						
коэффициент вариации		2,5	3,6	4,6	3,4	15,9
отношение максимума к м	инимуму, раз	5	15	115	27	353
Плотность населения:						
отношение максимума к м	инимуму, раз	49	144	283	137	952

^{*} Крупные экономические районы (Калининградская область в составе Северо-Запада).

Расчеты автора.

его контраст с обжитой зоной. Это наследие ГУЛАГа, а шире — дешевизны и былого изобилия живого труда. Дискуссии о пере- или недонаселенности «северов» вяло велись в СССР лет двадцать, а города за Полярным кругом росли, пока не началось бегство оттуда не только «лишних», но и самых нужных кадров.

Как менялись контрасты населения регионов-субъектов РФ? Коэффициенты вариации (рис. 4.1.7) показывают, что и во всем населении, и в городском они росли, а в сельском — наоборот — «сжимались» Видны и волны неравномерности размещения городских жителей. Первая — это индустриализация, так называемый 3-й кондратьевский цикл стали, нефти, тяжелых машин, взятый с боем и жертвами, но и с энтузиазмом и ускорением (Грицай и др., 1991, с. 46). Следующая волна — цикл 4-й, эра АЭС и ракет, хрущевской химизации 60-х гг. и модной синтетики, телевизоров, массового автостроения (АвтоВАЗ в г. Тольятти пущен в 1970 г.). В ту эпоху НТР наука, став «непосредственной производительной силой», показывала быстрый рост, в том числе кадровый. Отсюда советская инверсия четвертичной сферы, необходимой сверхдержаве хотя бы для военного паритета, и слабенькой собственно третичной (рядовых

^{**} С выделением на Востоке РФ четырех регионов по широтному принципу: Северная Сибирь, Северо-Восток, Южная Сибирь и Забайкалье.

^{*** «}Районы кооперации».

^{****} Районы Бюро цензов, Аляска и Гавайи (вместе).

^{*****} Провинции (Новая Шотландия вместе с о. Принца Эдуарда) и территории.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 5}$ Правда внутри регионов контрасты обычно усиливались: см. главы 3.1 и 3.2.

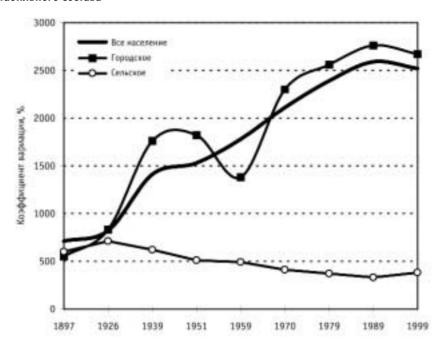

Рис. 4.1.7. Вариация людности 86 российских регионов стабильного состава

услуг). Интересно, что ложбину между двумя циклами легче обнаружить по региональной вариации горожан, чем по индексам роста экономики⁶.

Связь подобных волн с циклами развития универсальна. Развитие, вначале обычно не фронтальное, а выборочное, неотделимо от неравномерности. Она и усиливается в начале каждого цикла. Затем достижения «клонируются», географически тиражируются, и различия сглаживаются — до нового витка. Такие схемы рисуют разные теории диффузионистского толка. А советское догоняющее развитие мобилизационного типа, заставляя страну «сжиматься в кулаки», только усиливало различия: если не в разрезе запад—восток и север—юг, то по самой вездесущей, заметной в любом масштабе оси центр—периферия.

⁶ Видимо, слишком лукавым, хотя и статистика населения не без греха. Цифры по городам у нас меняют задним числом (будто подтверждая афоризм о непредсказуемом прошлом России), то в связи с изменением их состава и границ, то по иным мотивам. Явление в 90-х гг. из статистического небытия оборонных городов-ЗАТО вызвало пересчеты по другим, где жителей ЗАТО «прятали» раньше. Население больших городов РСФСР по переписи 1959 г. составило 31,7 млн чел., досчеты подняли его до 33,3 млн: Москве ее новые границы добавили 1 млн, в категорию вошли административно расширенные Копейск и Сочи. В 1989 г. в ней сначала числили 67,85 млн (68,4 с пунктами, подчиненными Ленгорсовету и недавно «растворившимися» в северной столице), а потом — 67,5 млн чел.

Наш в общем-то экстенсивный рост всегда сопровождался достройкой новых звеньев хозяйства и расселения, но редко — их свертыванием для высвобождения места и ресурсов. Придти в город (промышленный парк), подключиться к резервным сетям и начать работу — об этом не было речи и в самых развитых регионах; зато, попав в крупный центр, рост которого лимитировался, предприятия и люди его уже не покидали. Головные заводы, плодя филиалы на периферии, сами не разгружались от трудоемких операций даже под нажимом плановых органов; их кадры держались за центры, боясь потерять прописку, налаженные соцкультбыт, снабжение. Отсюда центростремительные потоки, усугубившие разреженность периферии, в том числе в Европейской России.

Ранее мы выделили в Европе на сходных основаниях центральные, периферийные и полупериферийные ареалы (Грицай и др., 1991). Их пропорции и насыщенность менялись с запада на восток (табл. 4.1.3). Площади периферии нарастали, исчезали сплошные массивы полупериферии, особенно старой; главное исключение — сгусток близ Москвы. Но в России население сильнее стянуто к центрам, где плотность меньше отличается от западной. Эти центры при догоняющем развитии тянутся за внешними лидерами, «всасывая» ресурсы и население. Оборотной стороной конвергенции центров становится дивергенция периферий.

У концентрации разных групп населения и деятельности есть фазовые варианты: а) исходная и весьма высокая — новых групп при их зарождении в немногих очагах, обладающих стартовыми условиями; б) остаточная — более зрелых при сочетании инерции, например, промышленного роста центра с широкой диффузией индустрии: различия сглаживаются; в) вторичная — «старых» видов, скажем, сельского населения и хозяйства, т. е. возвратная волна их сжатия к центрам (Московский..., 1988, с. 82).

Попробуем проследить эти процессы по занятости в основных секторах. Кстати, до выделения своих экономических центров В. П. в «Городе и деревне» (с. 57–64) анализирует тогдашнюю географию несельских занятий.

Таблица 4.1.3. Пропорции центральных (Ц), полупериферийных (ПП)
и периферийных (П) районов в группах и регионах
европейских стран

Группы стран (регионы)	Площадь в % к итогу по региону						Плотность насе- ления, чел./кв. км			
	. F3 2.F2 (Pernensi)	Ц	ПП	ПП	Ц	ПП	ПП	Ц	ПП	ПП
	Шесть стран — основате- лей ЕС	11	38	51	28	45	27	432	200	87
	Восточная Европа*	8	33	59	20	43	37	220	111	56
L	Европейская Россия	6	21	73	34	37	29	145	46	10

^{*} Включая западные республики СССР.

Составлено по схеме из (Грицай и др., 1991, с. 75-83) и расчетам автора.

Динамика основных типов занятий по регионам европейской части страны

начала уточним методику. В. П. использовал данные по уездам, но в таком масштабе их потом не найти. Все цифры пришлось привести к современному региональному делению. Трудно вкратце описать, как к нему привязаны погубернские, частью поуездные и городские данные (работа с картой и т. п.). Ясно, что результаты порой только приблизительны, но есть надежда, что они не искажают основных различий.

Со временем менялись способы учета занятых. Перепись 1897 г. фиксировала занятия крестьян по дворам. Учет только их глав, самодеятельных хозяев, или «кормильцев», по Д. И. Менделееву, занижал долю агросектора до 55% всех кормильцев, завышая долю других отраслей. Аграрного же населения, включая «домочадцев», было $^3/_4$: 74% в империи и 76% в пределах РФ. Это ближе к истине. В крестьянской семье работали подростки, старики, и их лепта больше, чем, скажем, в домах ремесленников. Б. Н. Миронов (1999, т. 1, с. 297–99) для исчисления реально занятых в тогдашнем сельском хозяйстве предлагает удвоить число переписных кормильцев. Мы так и сделали, учтя региональные различия коэффициента семейности и умножая число кормильцев на его половину — 2,04 в среднем по стране⁷.

Это дает 38 млн чел. аграриев в империи, 20,5 млн в будущей РФ и 18,65 млн в ней без Сибири (71–73%). Для сопоставимости с дальнейшим учетом занятых пришлось также исключать из самодеятельного населения 1897 г. военных, обеспеченных людей (рантье, пенсионеров, стипендиатов) и живших неизвестными способами, всего 3,4 млн чел. Однако, имея капитал от поместья и т. п., служа офицером или учась в крупном городе (где как раз много таких лиц), можно было иметь другое занятие, обычно интеллектуальное, и доход 8 . Чтобы не терять эту часть третичной сферы, мы всюду условно добавили к ней и ко всем занятым $^1/_8$ численности данных групп. В итоге доля агросектора составила те самые $^3/_4$.

Данные на середину века дала перепись 1959 г., числившая солдат по допризывным занятиям, что как бы сдвигало все на 2–4 года назад, ведь смена занятий и жительства, в том числе с сельских на городские, после армии была типичным явлением. Учет переписью занятий по месту жительства, в отличие от текущего учета по месту работы, используемому для конца века, и ряд иных отличий методики не столь ощутимы, пока речь идет о регионах в целом. Правда, в разных — ненадежных — источниках и оценках по западным республикам экс-СССР на 1997 г. могут таиться многочисленные трудноустранимые ошибки.

Перейдем к географическим картинам (рис. 4.1.8 — 4.1.16).

 $^{^7}$ От 2,6 до 1,4 по европейским регионам. Линейную закономерность нарушали малосемейные хозяйства Ливонии. Но от пары домочадцев кормильцу и там была реальная помощь, так что множитель остается выше 1.

⁸ Куда отнести, скажем, Льва Толстого? Вторые и теневые занятия — ахиллесова пята любой статистики труда, причем в начале и в конце века более ощутимая, чем в его середине.

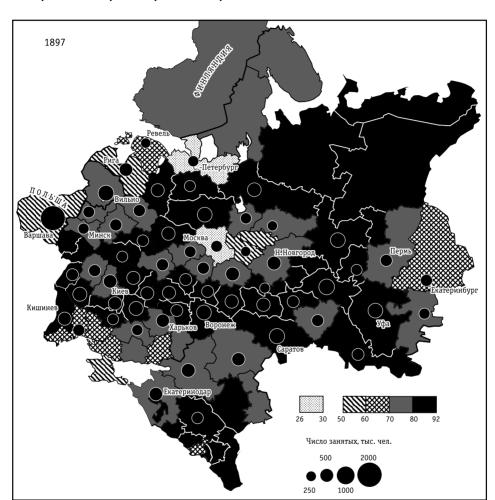

Рис. 4.1.8. Доля занятых (в %) в первичном секторе (сельское и лесное хозяйство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1897 г.

Агросектор в конце XIX в. доминировал почти везде (рис. 4.1.8). Исключения — столичные Петербургский и Московский регионы, «окна» крупногородской жизни и занятий на сплошном аграрном фоне. Только там и, понятно, за счет самих столиц доля занятых в секторе была ниже 30%. Их численность меньше, чем во многих регионах, но не минимальна (на картах ее нет, если она не выдерживает условного ценза в 250 тыс. чел.). Первичный фон чуть бледнел в Центре, особенно старотекстильном (бывшая Вла-

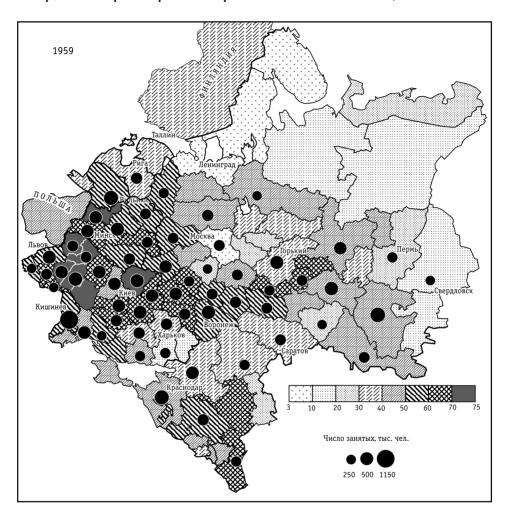

Рис. 4.1.9. Доля занятых (в %) в первичном секторе (сельское и лесное хозяйство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1957 г.

димирская губерния), на северо-западной и юго-западной окраинах и на Урале, но доля сектора нигде не опускалась ниже 50% от общего числа занятых.

В 1950-х гг. индустриализация сильно растянула вереницу регионов по остаточной доле агросектора, что видно даже по длине легенды (на рис. 4.1.9). Эта доля уже низка в СПР и в приморских регионах (Крым, северная Прибалтика, Мурманск, Астрахань).

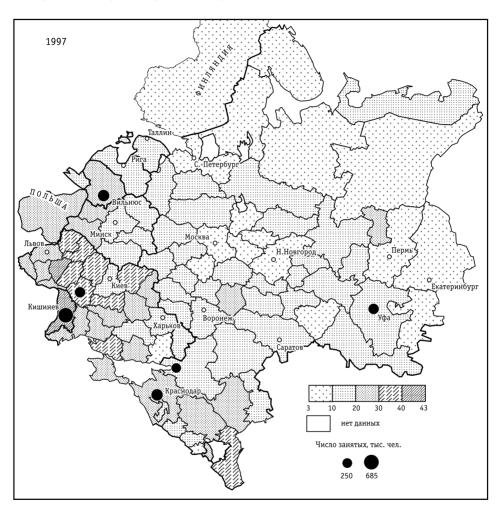

Рис. 4.1.10. Доля занятых (в %) в первичном секторе (сельское и лесное хозяйство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1997 г.

Но она еще очень высока в среднерусской глубинке, окружающей Центр широким кольцом, хотя в северной его части ниже, чем в южной. Туда заходит широтный клин из западной зоны Союза, разорванной лишь Киевским «окном». Ее индустриально-городское отставание от ряда регионов России и от соседей на западе (Польши и др.) имеет глубокие корни.

Это и теперь главный полюс аграрного традиционного общества в европейской части бывшего СССР (рис. 4.1.10). Его восточное продолжение в РФ размыто («останец» виден на Тамбовщине) и как бы сдвинуто на юг, но и там доля агросектора официально не выше 40%. Правда, в жизни он весомее и в сельских регионах с учетом неформальных занятий может превзойти другие. Да и статистика 1990-х гг. местами отмечала некоторый рост его доли, вторичную аграризацию, подобную кризисной дезурбанизации⁹. С ней и с давностью выхода региона из «первичного быта» к промышленно-городскому коррелирует местный консерватизм. Вот из черноземного клина 1950-х гг. и получилась в 90-х особая политико-географическая зона — пресловутый Красный пояс России.

Главным очагом начальной концентрации индустриальных занятий в 1897 г. был Московский регион с его восточным продолжением (рис. 4.1.11). Он и Петербург с окружением — единственные ареалы, где доля сектора достигла 30-40%. На Урале, в Донбассе и русско-польской Силезии — $\frac{1}{4}$, а в большинстве регионов — едва $\frac{1}{10}$. И это спустя полвека после промышленного переворота (первых паровых машин, железных дорог) и через 36 лет после освобождения крестьян, два поколения которых могли бы стать рабочими. Велика же была сословная, расселенческая, пространственная инерция! Но ведь если «мужика не пускали на фабрику, фабрика шла к мужику». Шла, да не всюду, вязла на российских проселках. По данным Б. Н. Миронова (1999, т. 1, с. 306), сектор занимал 28% горожан и 7% селян. Земледельческое население преобладало в 493 из 506 уездов европейских губерний; самое яркое исключение — 2-3 подмосковных. Правда, «несельские» занятия в 11% уездов доставляли главные средства 30-55% крестьян, еще в 17% уездов — 20-29%, а в большинстве — 5-10% (там же, с. 307). Были еще вторые занятия, сезонно-отходные промыслы. Однако тот же автор показал, что конец XIX в. — время резкого экономического отделения города от деревни (доля аграрных занятий в статусных городах после реформ упала с 18 до 8%). А это сдерживало индустриализацию, учитывая дефицит городов, даже с учетом «истинных» по В. П. Ситуация была разной на севере и на юге, хотя по нашей карте этого еще не видно¹⁰.

В 50-х гг. разница уже заметна (рис. 4.1.12). Северо-восточная половина европейской части стала помышленной, причем у десятка гипериндустриальных регионов сектор занял свыше 50% работников (58% в Свердловском, но лидер по их числу — Московский). Северо-западные окраины обогнали по его доле Финляндию. На югозападе она в 2–3 раза ниже. Негативом с карты 4.1.9 смотрится тот же клин, заходящий вглубь России. Главное исключение — Донбасс с Приднепровьем, связанные Волго-Донским коридором с Уралом. Это еще не апогей диффузии вторичного секто-

⁹ См. главу 2.6.

¹⁰ Русский Север и Нечерноземье давно стали зоной торговли и ремесел, уступив роль главных кормильцев южным окраинам. Это сыграло свою роль, хотя первый цикл российской машинной индустриализации, охватив с 1840 г. пищевые отрасли, рассеял сахарные и маслозаводики по многим селам южных губерний. Но из-за размеров, меньших, чем у фабрик Центра (не говоря об Урале и Донбассе), и общей специфики регионального развития они далеко не всегда могли сделать эти села городами.

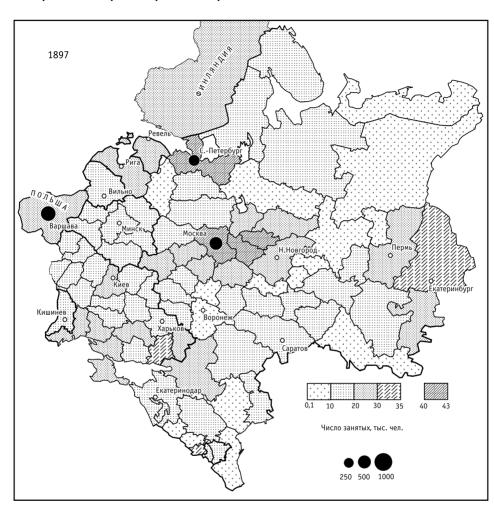
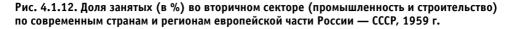

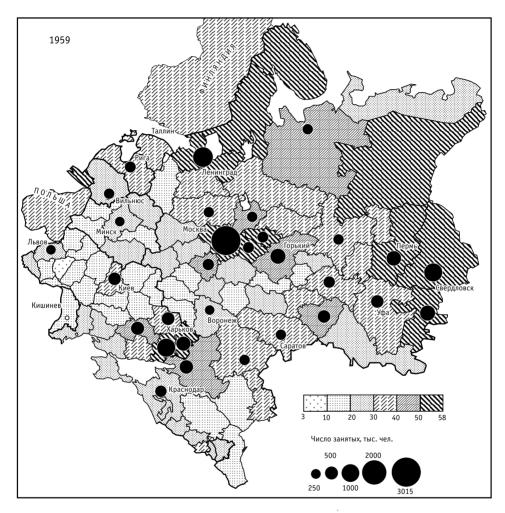
Рис. 4.1.11. Доля занятых (в %) во вторичном секторе (промышленность и строительство) по современным странам и регионамевропейской части России — СССР, 1897 г.

ра, хотя его старые очаги заметно расширяются, совпадая с растущими очагами урбанизации 11 .

Дезиндустриализация к исходу века буквально стерла с карты гиперпромышленные очаги (рис. 4.1.13). Да и тех, где доля сектора выше 40%, осталось в 1997 г. всего пять:

¹¹ См. главу 2.5. Отклонения от этого правила тоже приурочены к оси юго-запад — северо-восток. В Крыму горожан было около 65%, а занятых во вторичном секторе — менее 30%. Зато в ряде регионов Поволжья и Предуралья (Ульяновском, Башкирском, Кировском) эти доли почти равны: по 30–40%. Северная урбанизация по своей экономической базе уже заметно отличалась от южной.

три СПР и пара «средневозрастных». В Центре это Владимирский, а не Московский регион. Последний — еще абсолютный лидер, но судя по доле — уже пробел на фоне окружения, застрявшего в промышленной эпохе, что относится даже ко второму столичному региону РФ. Былая экспансия индустрии оставила следы в обширных зонах: от Минска до Калуги, от Липецка до Чебоксар, где доля сектора выше, чем в 50-х гг. То же самое на Юге

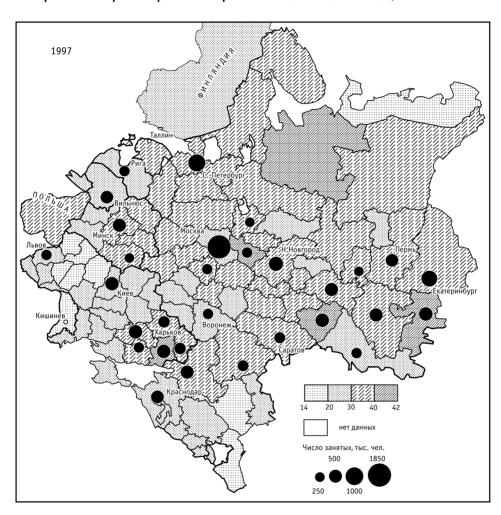
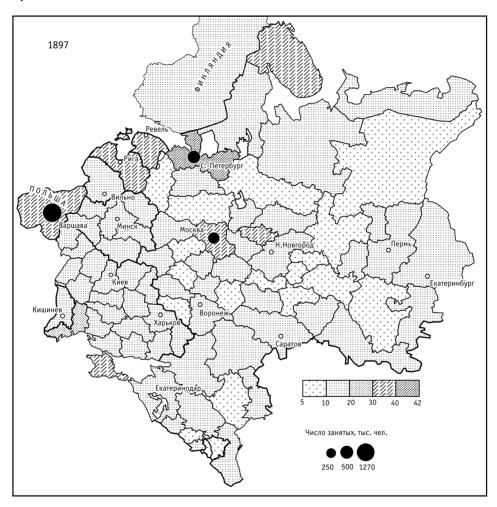

Рис. 4.1.13. Доля занятых (в %) во вторичном секторе (промышленность и строительство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1997 г.

России и на западе экс-СССР: контрасты индустриализации (и урбанизации) сгладились, укоротилась шкала карты. Правда, виден знакомый клин, только без восточного острия. В Молдове, местами на западе Украины, в Калмыкии и Дагестане доля сектора ниже 20%.

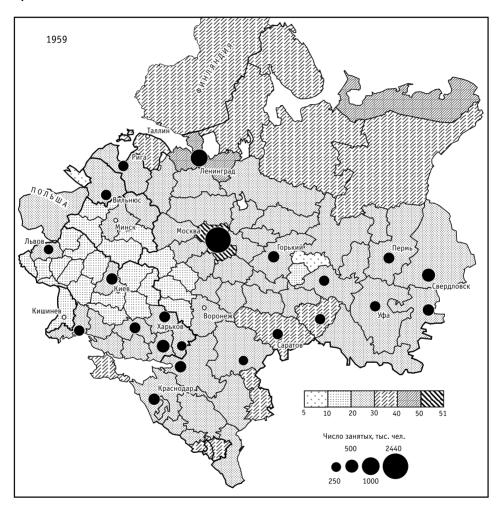
Уникальным третичным регионом XIX в., с долей соответствующего сектора за 40%, был столичный Петербургский (по числу занятых его опережала Польша, взятая цели-

Рис. 4.1.14. Доля занятых (в %) в третичном секторе (транспорт, торговля, администрация, услуги) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1897 г.

ком; Варшавская губерния была третьей). За ним шли Московский и «всеимперская здравница» Крым (рис. 4.1.14). В целом картина по сравнению с индустриальной на ту же дату обнаруживает смещение к западным окраинам империи, где доля повыше, чем на современной территории РФ. Впрочем, менее 5% не было даже в самых аграрносельских регионах, не обходившихся без торговцев и чиновников, учителей и священ-

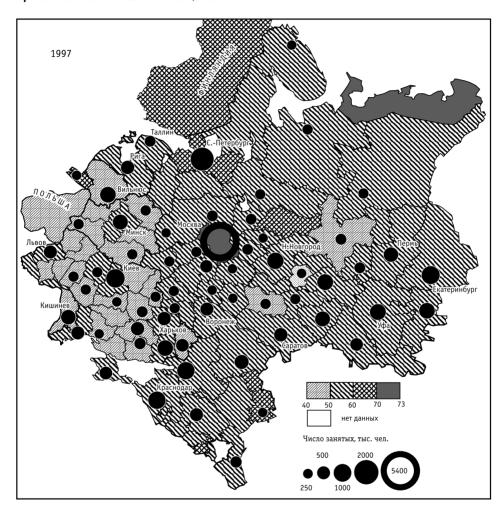
Рис. 4.1.15. Доля занятых (в %) в третичном секторе (транспорт, торговля, администрация, услуги) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1959 г.

ников. Третичный сектор и потом остается более повсеместным, хотя его «масса» зависит от масштабов урбанизации.

В 50-х гг. эта масса максимальна в Московском регионе (рис. 4.1.15), а ее доля велика и в Ленинградском (40,4%), чуть ниже в Мурманском и Карельском (до 39,7%). В Ненецком округе это 51%, как в Москве и Киеве (в Ленинграде и Минске она уступает

Рис. 4.1.16. Доля занятых (в %) в третичном секторе (транспорт, торговля, администрация, услуги) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1997 г.

индустрии и строительству), но просто в силу слабости других секторов северного округа. На всем севере РСФСР занятых в третичном секторе меньше, чем в одной Москве (1,4 млн). В европейской части Союза его средняя доля — 25%, а ее вариация теперь сходна с различиями в уровне индустриализации — та явно влечет за собой урбанизацию и терциаризацию занятий. На западе, в отличие от 1897 г., виден все тот же «притупленный» клин.

В 1997 г. экспансия сектора, всюду теснящего вторичный, доводит его среднюю долю до 54% (без Польши и Финляндии; в первой она поменьше, как в смежных регионах экс-СССР, а во второй — больше). Мест, где эта доля ниже 40%, на карте уже нет, а в РФ почти нет и тех, где она ниже 50% (рис. 4.1.16). Однако концентрацию сервисного сектора в Московском регионе трудно назвать остаточной. В Москве его масштабы уникальны: 3,9 млн человек (77%). Украина и Беларусь вроде бы отстают. Но по пунсонам на картах (числу занятых там, где их больше 250 тыс.) можно проследить нечто вроде старинной Гардарики, гряды крупных третичных центров от Питера к Минску, Киеву, Одессе, агломерациям Восточной Украины.

Два столичных региона в 1897 г. концентрировали 15% занятых сектора в европейской части страны (без Польши и Финляндии), 18% в 1959 и 17,5% в 1997 г. Добавив Киевский и Минский регионы, получим: 18,7, 21,3 и 22%. Их доля по кадрам вторичного сектора сперва была выше (24,1%), но за столетие снизилась (16,4%). Вторичный сектор явно стал менее столичным по своей дислокации, а сервисный — сохранил и усилил это свойство.

Часто выделяемый из третичного элитный четвертичный сектор мы рассчитали так: занятые в науке, культуре, искусстве, информатике взяты целиком, а в здравоохранении, образовании, управлении — частично (по 25–40% в зависимости от отраслевой доли самых квалифицированных кадров и учреждений высшего разряда, например вузов). В 1897 г. их средняя доля составляла всего 2,2%, повышаясь до 8,3% в Питерском регионе (90 тыс. чел.) и 5,8% в Московском. Следом шли Варшавская губерния (4,5%), Киевская и Одесская области в их современном виде (по 3,8%). К концу века средняя доля сектора поднялась до 13%, в Москве — до 22% (а в ее регионе почти до 20), в Петербурге, Киеве и Минске — до 16–18%. Концентрация сектора в четырех столичных регионах изменилась мало: 23–24% в начале и конце, но в середине века она была еще выше (до 32%).

Позднесоветские сдвиги в структуре занятий регионов говорили об их сближении. Пионеры и аутсайдеры индустриализации как главного «разводящего» процесса полувека двигались разными путями, но к одной цели, к некой структуре-аттрактору с долями секторов: III — 50–55%, II — 30–40%, I — 10–20% (Территориальная.., 1995, с. 47; Трейвиш, 1997). Кризисная дезиндустриализация усилила не конвергенцию, а скорее дивергенцию регионов. Столичные, некоторые северные (Мурманский) и СПР (крупногородские) упрямо шли к сервисной структуре, перевыполняя прежние «планы» терциаризации. Многие южные, теряя свою слабую промышленность, поворачивали назад, к аграрной структуре. Все это явно связано с уровнем и возрастом урбанизации, с составом населения.

«Сельские» и «городские» занятия деревни и города

оотношение основных категорий занятых и населения требует отдельного анализа. Соответствующая матрица корреляций представлена в табл. 4.1.4. Сразу заметим, что коэффициенты второй половины века для масс всего населения и всех занятых (в таблице не приведенные) достигают почти единицы. Это относится и к связи «городских секторов» с массой горожан. В 1959 г. виновником их тесного сближения был вторичный сектор (II), а в 1997 — сектор III¹². Таблица еще раз подтверждает значение истинных городов В. П., чье население в 1897 г. теснее официально городского коррелировало с занятыми в городских секторах и особенно в индустриальном, хотя разница видна у общесервисного и даже у четвертичного сектора IV. Неожиданным оказалось то, что размещение занятых в них не проявляет более сильной «тяги» к местам концентрации больших городов¹³, чем горожан вообще. Правда, она росла, а слабеть начала только у индустрии, меньшая привязанность которой к главным полифункциональным центрам вполне объяснима.

Она меньше и у пары «большой город — сельские занятия», чем у последних со всеми городами. А постоянное и в итоге 2–4-кратное усиление их сопряженности выразительно отражает вторичное центростремительное сжатие сектора I и самого села, опи-

Таблица 4.1.4. Коэффициенты корреляции между размещением основных категорий населения и занятых в экономике по регионам европейской части РФ

	Категории населения и год									
Сектора занятий от I (первичного) до IV (четвертич-	сельское			истин-		дское статусно	большие города*			
ного)	1897	1959	1997	ное 1897	(оф 1897	ициалы 1959	ное) 1997	1897	1959	1997
T. (
I (сельские)	0,98	0,92	0,96	0,23	0,10	0,23	0,41	0,10	0,19	0,37
II+III (городские)	0,34	0,56	0,52	0,98	0,87	0,995	0,998	0,95	0,98	0,99
II	0,27	0,55	0,56	0,93	0,77	0,996	0,98	0,89	0,97	0,96
III	0,39	0,58	0,39	0,98	0,92	0,98	0,99	0,95	0,98	0,99
∟ в т.ч. IV	0,35	0,50	0,46	0,98	0,94	0,95	0,98	0,96	0,96	0,98

^{*} C населением: 40 тыс. чел. и более в 1897 г., 100 тыс. чел. и более в 1959 г., 150 тыс. чел. и более в 1997 г.

¹² Ведь отрасли третичной сферы неуклонно теснили вторичные; лишь в 1999 г. прекратилось сокращение числа занятых в промышленности РФ, но не в строительстве. Отсюда разная динамика гипериндустриальных и постиндустриальных городов (см. главу 2.3).

¹³ Переменного размера, как в главе 2.5.

санное в части 3 нашей книги. Правда, цифры в левых колонках таблицы говорят о том, что теснота связи сельского населения с агросектором в середине века слабеет, но к его концу опять растет. Тяготение же «городских занятий» к деревне сперва увеличилось, а потом уменьшилось. Этот цикл наиболее ярко выражен у третичного сектора, где уровень связи после подъема вернулся к исходному. В чем же дело?

Во-первых, в середине века было много сельских поселений несельскохозяйственного профиля. Потом масса мелких транспортных, лесопромышленных и промысловых селений исчезает, а более крупные и многопрофильные – получают статус городских¹⁴. Во-вторых, тот факт, что к 1989 г. 92% сельского населения России жило в пунктах аграрных по ведущей роли, связан с надзором властей за чистотой этой роли, с пресечением попыток председателей укрепить экономику хозяйств с помощью диверсификации, прибыльных, но «посторонних» земледелию занятий. В-третьих, противоречива в этом смысле рурбанизация (субурбанизация села). В пригородах вообще-то велико разнообразие функций и видов труда, однако обилие городов, их близость к селу как рынков сбыта, центров обслуживания, повышенная эффективность агросектора и т. п. ведут к более узкой специализации.

К исходу века (в отличие от начала и середины) корреляция сельского населения с размещением занятых в секторе IV оказалась выше, чем с «массой» третичного. Школа, клуб и сельская администрация нужнее или устойчивее почты, магазина, столовой, общественной бани, не говоря о каком-нибудь доме быта, занесенном городской модой 70-х гг.

Все это не заменяет анализа динамики структуры занятости в городе и деревне, но с ней много проблем информационного характера. Так, переписи регистрируют занятых в местах их жительства, а текущий учет — на рабочих местах, помещая в города сельских маятниковых мигрантов. Имеющиеся под рукой сводные данные не идентичны по охвату территории, а наиболее свежие с разделением на российские (но только российские) город и село относятся к 1993 г. Представим все же эволюцию этой структуры так, чтобы территория была сопоставима хотя бы в рамках одного «полупериода».

В **табл. 4.1.5** динамика занятий города и села выглядит иначе, чем описано выше, ибо отражает мощный и всеобщий процесс их «урбанизации» Доля аграрных занятий резко упала и в городе, и на селе, где удельный вес «городских» секторов вырос примерно втрое. Еще в 1959 г. сельская структура перестала зеркально отражать городскую, хотя более 1/2 работников в российских селах и в 1993 г. числились за агросектором I (в европейской части — 56%, на Востоке РФ — 45,5%). Общей тенденцией второй половины века для города и деревни стал переход от индустриализации занятий к терциаризации, причем более быстрой на селе. Разрыв по доле занятых в сферах коммуникаций и торговли велик (3,5–2 раза), но в сфере обслуживания и в четвертичной так сократился, что их уже трудно назвать городскими даже в кавычках, несмотря на разницу в качественном составе.

¹⁴ См. главу 3.1.

 $^{^{15}}$ Напомним, впрочем, что речь идет только об основных и официальных занятиях, без вторых и теневых.

Таблица 4.1.5. Сдвиги в структуре занятий городского и сельского населения, %

			Год, т	ерритој	оия и ка	тегория	поселе	ний			
Сектора и отрасли занятий	1897			19	59		1993				
	Европейская Россия*		Европейская часть СССР		РСФСР		РФ		Европейская часть РФ		
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	
Всего**	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
Сельские (I)***	11,9	86,3	4,9	72,3	3,2	65,3	1,8	53,6	1,7	56,0	
Городские (II+III)	88,1	13,7	95,1	27,7	96,8	34,7	98,2	46,4	98,3	44,0	
в т. ч.: II	37,1	7,2	56,2	13,3	57,8	16,9	46,8	16,4	47,2	15,8	
III	51,0	6,5	38,9	14,4	39,0	17,8	51,4	30,0	51,1	28,2	
в т. ч.:											
Транспорт и связь	6,4	0,9	9,4	3,0	9,6	3,8	9,2	2,7	8,4	2,4	
Торговля****	12,4	1,3	7,8	2,9	7,6	3,7	10,9	5,5	11,1	5,3	
Прочие (услуги)	32,2	4,3	21,7	8,5	21,8	10,3	31,3	21,8	31,6	20,5	
в т. ч. IV****	7,9	1,1	12,8	5,0	13,1	7,0	17,4	14,8	17,9	14,0	

^{*} Европейские губернии без Польши и Финляндии; города – официальные (по статусу).

Источники: Миронов, 1999, т. 1, с. 307; материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г.; баланс трудовых ресурсов за 1993, рассчитанный Госкомстатом России.

Если XIX век закончился резким отделением города от деревни по функциям и структуре занятий, то XX век повел деревню прямо в город, к нему поближе (в пригород) и за ним вдогонку в структурном отношении. По Б. Н. Миронову (1999, т. 1, с. 309), русский город XVIII в. был доиндустриальным, до середины XIX — прединдустриальным, к его концу — раннеиндустриальным. В XX в. он стал типично, а то и избыточно индустриальным. XXI век застает большинство городов где-то на переходе от позднего индустриального состояния к раннему постиндустриальному. Деревня, формально говоря, осталась аграрной, хотя уже в 1950-х гг. была иной на треть (в 1897 г. — лишь на $^{1}/_{7}$); эта треть почти поровну состояла из секторов II и III. Затем третичный взял верх, и даже решительнее, чем в городе.

^{**} Без учащихся, рантье, помощников-домочадцев, занятых только в домашнем и подсобном хозяйстве, военных и работников, не распределенных по отраслям.

^{***} Включая рыболовство и охоту в 1897 г.

^{****} Включая все виды оптовой и розничной торговли, снабжения, сбыта и общественного питания.

^{*****} Все занятые в образовании, науке, культуре, искусстве, финансовой сфере и управлении.

С общим (не завершенным) движением села от первичной структуры к третичной, видимо, связано уклонение аграрно-сельских стран и регионов от классической европейской схемы сдвигов с обязательной сильной индустриализацией, упомянутое в начале главы. Разным схемам обычно следуют Север и Юг, ведь массы и геоцентры горожан и сельских жителей со временем разошлись по меридиану (см. рис. 4.1.4). Подберем регионы на условном профиле, проведенном с севера на юг Европейской России, но мимо самых мощных крупногородских ареалов, чьи пригородные зоны могут исказить картину, из-за разницы в учете занятых по местам жительства и труда переписью 1959 г. и текущей статистикой (табл. 4.1.6).

Структуры города и села мало различались на севере, в Архангельской области, где первичные функции сельских поселений второстепенны. В 50-х гг. более 60% работников занимали в них «городские» сектора, в 90-х их доля достигла $^{3}/_{4}$. Сектор II, уступив третичному, остался самым весомым на нашем профиле. Отметим нетипичное для других мест ослабление транспортных функций сельских пунктов (разрежение низовой сети) и городов (упадок Архангельского порта, глубокая депрессия Северодвинска).

В старотекстильной Ивановской области занятия горожан — самые «городские», хотя в этом отношении регионы разнятся мало. Сектор II, несмотря на его ранний кризис, в 1993 г. преобладал над сервисным, все слагаемые которого, кроме сектора IV, скромны. Село (менее $^1/_6$ всех жителей) сохраняло аграрные функции даже в большей мере, чем на Тамбовщине. Низкая и падающая доля сельской индустрии нимало не похожа на сельско-фабричный бум XIX в.: те села, став городами и пгт, отмежевались от «агродеревни». Зато у нее быстро росла сфера услуг, за счет которой доля всего сектора III более чем удвоилась.

Города Тамбовской области, представителя среднерусской глубинки, в 50-х гг. имели больший процент занятых в агросекторе, чем на севере, но меньший, чем на самом юге России. В 1993 г. их доля даже выше южной, но, как мы знаем, мелкогородское население таких мест в реальной жизни вообще гораздо аграрнее, чем по статистике. И все же здесь, в отличие от промышленного севера, шла индустриализация деревни.

На аграрном Ставрополье в 50-х гг. сектор I занимал 7,5% горожан, затем его доля резко упала. А вот поздняя и изначально низкая индустриализация города продолжалась во второй половине века, и доля сектора II выросла (с услугами все наоборот: видно, это уже результат кризиса Минераловодских курортов в начале 90-х гг.). Росла его доля и на селе, но для сел и станиц, не уступающих размером иному городу, она маловата, недостает и сервисных отраслей. Аграрный характер сельской местности здесь наиболее очевиден.

Эти примеры опять заставляют скорректировать общее суждение. Оказывается, и на юге России терциаризация, причем как сельская, так и городская, не столь независима от индустриализации и не вполне ее заменяет. Правда, это все-таки относится к прошлому. Современное и будущее развитие могут быть уже иными.

¹⁶ В сектор I, кроме сельского хозяйства, входит лесное (функции ухода и контроля за лесом), но нужно учесть его ведомственную и статистическую отделенность от лесной промышленности, относимой к сектору II.

Таблица 4.1.6. Структура занятий городского и сельского населения избранных регионов Европейской России в 1959 и 1993 гг.

		Сектора и отрасли занятий (в % к числу всех занятых в регионе)*									
Регионы	Год			гороп	в том числе						
Гегионы	юд		сель- ские:	город- ские:				в том	числе		
			I	II+III	II	III	трансп. и связь	тор- говля	прочие (услуги)	В т. ч. IV	
	1959	Город	3,0	97,0	53,5	43,5	16,0	8,0	19,5	10,5	
Архангельская	1939	Село	37,5	62,5	37,6	24,9	8,6	4,8	11,5	7,0	
область**	1993	Город	2,5	97,5	41,3	56,2	13,4	11,0	31,8	16,1	
	1993	Село	26,0	74,0	36,0	38,0	8,0	5,8	24,2	15,3	
	1959	Город	2,6	97,4	68,5	28,9	5,1	6,9	16,9	9,2	
Ивановская		Село	60,5	39,5	26,3	13,2	2,1	2,7	8,4	5,1	
область	1993	Город	1,2	98,8	54,4	44,4	6,7	10,0	27,7	15,1	
		Село	55,8	44,2	17,0	27,2	3,1	3,9	20,2	13,3	
	1055	Город	5,3	94,7	50,8	43,9	11,3	9,2	23,4	13,6	
Тамбовская	1959	Село	75,8	24,2	9,6	14,6	3,0	3,3	8,3	6,0	
область	4000	Город	2,8	97,2	42,6	54,6	11,1	12,5	31,0	16,2	
	1993	Село	55,3	44,7	20,9	23,8	1,7	5,3	16,8	11,9	
	4050	Город	7,5	92,7	40,1	52,4	10,3	10,1	32,0	15,1	
Ставропольский	1959	Село	72,7	27,3	10,2	17,1	2,5	4,8	9,8	6,7	
край***	1002	Город	1,3	98,7	44,2	54,5	10,2	13,0	31,3	13,8	
-	1993	Село	58,2	41,8	15,5	26,3	11,1	7,2	16,9	11,2	

^{*} См. примечания относительно состава занятых к табл. 4.1.5.

^{**} Включая Ненецкий АО.

^{***}В современном составе, без Карачаево-Черкесии в 1959 г.

Общий географический вывод

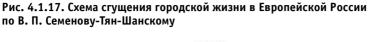
качестве такого вывода В. П., заключая свою книгу, предложил схему городских «сгущений» в Европейской России «под влиянием физико-географических, исторических и экономических причин» (с. 207). Эта схема-картоид (рис. 4.1.17) отражает распределение городской жизни по «принципу кольцеобразности вокруг главного центра»; смыканию внешнего кольца в северо-западном и юго-восточном «квадрантах» мешают природные условия. Сгущения городского населения на сухопутных гранях с Западной Европой и с Сибирью В. П. связал не с одними местными причинами (горной индустрией), но и с тем, что это «точки соприкосновения "Среднего мира", в пределах главной колонизационной оси, с более чем он культурными (европейскими) территориями на Востоке» (с. 208).

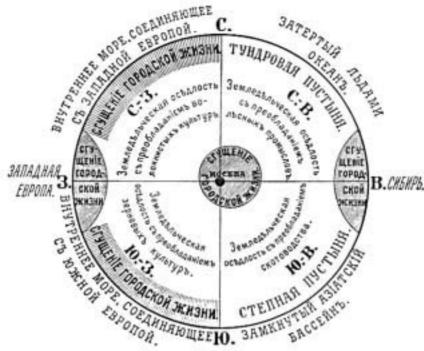
В. П. говорит о городском населении, городской жизни и «культурности», не делая между ними разницы (кстати, схема дана сразу после анализа «культурности» городов) и не уточняя критериев «сгущений». Впрочем, можно проверить схему по статистике населения. Разделим примерно ту же европейскую территорию (явно без Финляндии, но с Польшей) на примерно те же четыре сектора-квадранта, центральный круг, два кольца, внутреннее и периферийное, и два сегмента на западе и востоке. Их пересечение дает 11 элементов; 8 из них — части колец, зонно-секторные ячейки-фасеты по Б. Б. Родоману (1999, с. 133)¹⁷. Отнесем число горожан к площади обжитой территории (с плотностью жителей от 1 чел. на кв. км) и примем простые градации, кратные средней по всем элементам густоте городского населения (с учетом «истинного» в конце XIX в.) на каждый момент времени.

Как показывает **рис. 4.1.18**, В. П. почти не ошибся — почти, потому что он все-таки упустил сгущение городов и горожан в середине юго-западного квадранта, хотя сам писал о склонности к несельским занятиям и городской жизни в широкой полосе вдоль главной колонизационной оси, шедшей с Днепра к Оке и Волге (с. 57–58) и близкой к линии раздела двух западных квадрантов. Южная половина полосы, задержавшись в развитии до и после «реконкисты» Дикого Поля (аграрный придаток торгово-промышленного Центра, светлый клин на картах урбанизации и индустриализации 1950-х гг.), потом на «зерновом субстрате» все равно росла быстрее, чем северная половина — на «льняном». Этот срединный юго-запад теперь выделяется над средним уровнем еще заметнее¹⁸.

¹⁷ За точность привязки современных регионов (или их частей) к элементам картоида В. П. ручаться трудно. Не будем перечислять их полный состав; укажем только, что в центр мы поместили шесть старопромышленных регионов (от Москвы до Н. Новгорода и от Ярославля до Тулы), что восточный сегмент — это Средний Урал, а западный — Польша (с середины века вся современная) и Запад Украины (Галичина).

 $^{^{18}}$ У нас он охватывает пространство от Орла до Харькова и от Киева до Рязани. Возможно, В. П. отнес бы Киев и Минск к западным окраинам, но для окраин это мало что меняет, а срединную юго-западную ячейку (рис. 4.1.18) выводит из числа элементов с плотностью выше средней лишь на время (в 50-х гг.).

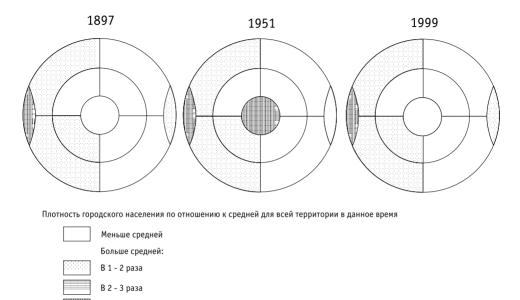

Вообще поражает устойчивость этой структуры, абсолютно идентичной в самом начале и в конце столетия. Его послевоенная середина только временно повысила градации относительной плотности горожан в Центре и на Урале. Правда, северо-западная приморско-приграничная дуга с фокусом городской жизни, «сосредоточенной мощной рукой Петра Великого у побережья Балтийского моря» (В. П., с. 181), уже почти не превосходит средний уровень плотности, уступая дуге юго-западной. Зато срединный юговосточный элемент (Средняя Волга и Предуралье) близок к тому, чтобы пополнить число сгущений и сделать схему чуть более симметричной.

В. П., рисуя свою схему, конечно, хотел дать общую геополитическую, геокультурную, геоэкономическую характеристику городского развития Европейской России. И она почти совпала с чисто количественной (по нехитрому признаку) спустя почти сто лет! Налицо не только преемственность пространственного развития, несмотря на внушительный восточный сдвиг, смену столицы, распад страны и т. д., но и сходство внешней геоситуации, опять повысившей роль «окон» в мир. Теперь к ним, помимо Балтий-

Более чем в 3 раза

ского и Черноморского, и даже в первую очередь, нужно относить центральное — столичное «окно».

0 преемственности и изменчивости внутренних качественных сдвигов можно судить хотя бы по составу занятых. Приведем еще одну — прости, читатель, последнюю — схему, которая вытекала из анализа этих сдвигов до 1985 гг. (Территориальная..., 1995, с. 54). На ней совмещены очаги индустриальных и более поздних постиндустриальных сдвигов (рис. 4.1.19). Первые обширнее и «восточнее» вторых, представленных: а) цепочкой городов по западным окраинам экс-СССР, б) курортными ареалами на юге и в) Московским регионом, уникальным по насыщению третично-четвертичной деятельностью и ее самым мощным транслятором на окружение.

В любой схеме есть свои слабые места, в данном случае — хотя бы из-за временного горизонта, расширение которого назад, в прошлое, и вперед, пусть только в 90-е гг., внесло бы свои коррективы. Ведь если вернуться к рисункам 4.1.11–4.1.16, то станет ясно, что очаги индустриализации в XIX в. не были столь велики (резко возвышаются столичные, особенно Московский), не имели такого восточного эксцентриситета на периферии, как в середине XX в., и в общем похожи на очаги терциаризации. Ближе к XXI веку и она вы-

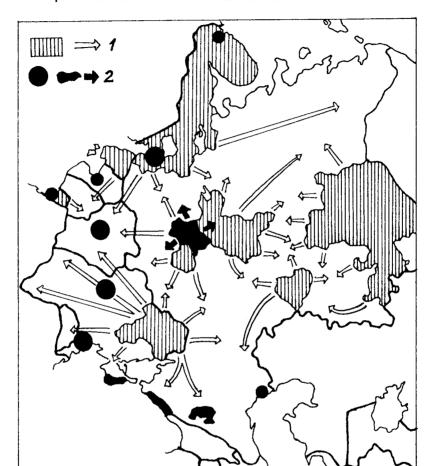

Рис. 4.1.19. Схема пространственной диффузии сдвигов в занятиях населения в европейской части бывшего СССР за 1959—85 гг.

- 1 очаги и направления диффузии индустриальных сдвигов;
- 2 начальные очаги и признаки диффузии постиндустриальных сдвигов

глядит несколько иначе: в меридиональной западной «гряде» за счет ее крупных центров велико число занятых в сервисном секторе, но их доля выше в России, и к схеме можно добавить ряд ее городов, от Ростова-на-Дону до Екатеринбурга.

Многие считают, что информационная революция и бум четвертичного сектора, нам по сути дела еще предстоящие, тоже имеют много общего с промышленным переворо-

том; основная разница — в скорости. Бизнес-услуги, особенно зависящие от непосредственных контактов, культурные, туристические и иные функции по-прежнему концентрируются в крупнейших городах (Власова, 2000, с. 159). Урбанизация с ее функционально-структурными спутниками и моторами, индустрией и сервисом, весь век меняла пропорции между Западом и Востоком, Севером и Югом, центрами и периферией, а в итоге они оказались куда более постоянными, чем казалось энтузиастам разных реформ и сдвигов, хотя это не значит, что век вообще ничего не изменил, факт остается фактом: постиндустриальную эпоху Россия начинает почти с тех же самых исходных географических позиций, обозначенных ядрами «продвинутой» урбанизации, какие у нее были в начале эпохи индустриальной.

Крупные города — повторим тезис главы 2.7 — выходят за рамки «просто города», и не только в силу их инновативности, умения, постоянно меняясь, быть стабильными очагами и проводниками структурных и других сдвигов. В XX веке они даже физически стали чем-то большим, как бы переливаясь, расплываясь в свои пригородные и спутниковые зоны, в тот особый мир и среду города-села, центра-периферии, о которых речь еще впереди.